

проблема «последней авторской воли» полностью отпадает, когда мы имеем дело не с авторским текстом (фольклорным, средневековым) и с историческим документом. Обсуждая вопрос об авторской воле как основе выбора и выработки текста для издания, Д. С. Лихачев говорит о необходимости различать творческую волю автора и нетворческую, осложненную разными побочными соображениями и обстоятельствами. Ученый показывает относительность «авторской воли» для литературной судьбы художественных произведений, он считает, что воля автора не может быть механически принята без научного изучения всей истории текста, ибо она — явление динамичное: «Воля автора и других творцов текста также имеет свою историю» [4, с. 588].

«Авторская воля» — коренная проблема в текстологии литературы нового времени, поэтому в процессе ее обсуждения Д. С. Лихачев выходит за пределы древнерусской литературы. Он затрагивает сложнейшие текстологические проблемы, связанные с изучением и изданием классиков русской и советской литературы: А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. Гладкова, Вс. Вишневского, Вс. Иванова, Л. Леонова и др.

Проблема авторской воли занимает внимание ученого на протяжении всей книги, она возникает в контексте рассуждений о задачах и целях текстологического исследования, в разделах «Авторский текст» [4, с. 146—148], «Вопрос о „каноническом тексте“» [4, с. 498—501]. Д. С. Лихачев отмечает, что понятие «авторской воли» неприменимо к древним памятникам. Древнерусская литература не знала «фокусировки» авторской воли (выражение Д. С. Лихачева), в ней почти невозможно разделить работу автора и работу редактора. Поэтому в тех редких случаях, когда до нас дошли автографы писателей XVI—XVII вв., особое значение приобретает изучение и издание памятника по авторскому тексту: «...мы обязаны,— пишет Д. С. Лихачев,— стремиться давать читателю именно авторские тексты (тексты Максима Грека, Ивана Грозного, Аввакума, Симеона Полоцкого и пр.), а не их переработки» [4, с. 43]. Необходимо привлекать к исследованию (если такая возможность имеется) черновые рукописи.

В новом издании книги основные принципиальные положения текстологических исследований сгруппированы в «Заключении», их десять: 1) текстология — наука, изучающая историю текста произведения одно из ее практических применений — научное издание текста; 2) сперва изучить текст — потом его издать; 3) издание текста должно давать представление об его истории; 4) нет текстологического факта вне его объяснения; 5) отдавать предпочтение показаниям сознательных (идеологических, художественных, психологических и пр.) изменений текста перед показаниями механических (бессознательные ошибки писца) изменений текста; 6) изучать текст как целое (принцип комплексности в изучении текста); 7) изучать текстологическое сопровождение (конвой) памятника в сборниках (кодексах); 8) изучать отражение истории текста произведения в других памятниках; 9) изучать работу переписчиков и деятельность отдельных скрипториев; 10) реконструкция текста не могут подменять собой реально дошедших текстов [4, с. 549—561].

«Текстология» Д. С. Лихачева, учитывая современный уровень развития этой науки, намечает конкретные задачи, стоящие перед медиевистами. Автор отмечает, что актуальным остается пожелание акад. А. С. Орлова о «пересмотре существовавшего до сих пор репертуара памятников» [4, с. 571] и издании «текста памятников в объеме всего их репертуара» [4, с. 572]. Д. С. Лихачев говорит о необходимости изучения взаимозависимости литературных произведений Древней Руси. В науке о летописании велика необходимость в стабилизации терминологии, выработке принципов названия новых летописей, создании «систематики» летописных сводов [4, с. 371]. Важной и плодотворной задачей текстологов-медиевистов